

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт психологии

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Под редакцией
А. Л. Журавлева,
А. В. Юревича

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2015

УДК 159.9
ББК 88
В 40

СОДЕРЖАНИЕ

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

В 40 **Взаимоотношения исследовательской и практической психологии** / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 558 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0307-5

УДК 159.9
ББК 88

Книга посвящена одной из наиболее острых проблем психологической науки и практики – проблеме взаимоотношений между ними. Авторы анализируют различные аспекты этих взаимоотношений – как когнитивные, связанные с психологическим знанием, так и социальные, коренящиеся в состоянии психологического сообщества. Выдвигаются и отстаиваются различные позиции в отношении влияния сложившихся взаимоотношений между исследовательской (академической) и практической психологии на развитие каждой из них. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие когнитивные и социальные проблемы взаимоотношения двух разделов психологии, во второй – их взаимодействие в конкретных областях психологического знания и социальной практики.

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 14-18-03271*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0307-5

Часть I СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

- А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) 7
- А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков.* Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики. 18
- А.В. Юревич.* Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии. 70
- В.А. Мазилев.* Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее . . 91
- Е.Ю. Пятаева.* Специфика знаний в практической и исследовательской психологии 146
- М.С. Гусельцева.* Культурно-деятельностная эпистемология как основание интеграции исследовательской и практической психологии. 179
- Т.Д. Марцинковская.* Вперед, в прошлое, или Снова о взаимосвязи теории и практики 214
- А.М. Двойнин.* Исследовательская и практическая психология: «схизис» или необходимый «люфт»? 229

Т. В. Зеленкова. Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису»265

Часть II

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

О. А. Артемьева. Предыстория «диагонального разрыва»: уроки социальной истории психоанализа, педологии и психотехники в России 311

С. А. Богданчиков. Советская исследовательская и практическая психология 1920–1930-х годов (к историографии вопроса) 337

О. В. Ракина. Исследование и практика в профессиональной подготовке психологов (современные проблемы) 385

И. Н. Семенов. Взаимодействие исследовательской психологии и практического человекознания в изучении и развитии рефлексивно-творческого мышления и личности 416

Е. Л. Доценко. Межличностное общение: между обыденным опытом и научной методологией 465

Н. С. Шадрин. Дезинтеграция психологического знания как препятствие анализу отчуждения личности и поиску практических путей его преодоления 494

Т. В. Дробышева. Взаимодействие исследовательской и практической психологии в изучении конкретного социально-психологического феномена 538

Сведения об авторах 556

Часть I

СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Polkinhorne D. E.* Postmodern Epistemology of Practice // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 146–165.
- Rosenzweig M. R.* What is psychological science // International psychological science: Progress, problems and prospects. Washington, 1992.
- Sass L. A.* The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // Psychology and postmodernism. L., 1994. P. 166–182.
- Sexton V. S., Hogan J.* (Eds). International psychology: Views from around the world (2nd ed.). Lincoln, 1992.
- Shotter J.* “Getting in touch”: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism. L., 1994. P. 58–73.
- Skinner B. F.* Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1978.
- Van der Vleist R.* Social psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. L., 1982. V. 1. P. 7–22.

В. А. Мазилев

ПСИХОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В далеком уже 1971 г., будучи студентом первого курса психологического факультета, я прочел в «Основах общей психологии» С. Л. Рубинштейна, что термин «психология» был введен Рудольфом Гоклениусом в 1590 г. Однако через пару лет на занятиях по французскому языку была предложена для перевода на русский язык книга П. Жаккара «Бессознательное, сны, комплексы» (Jaccard, 1973), в которой утверждалось, что изобретателем термина «психология» является некий Марко Марулич. Это была первая встреча с этим именем. Субъективное «открытие» произвело впечатление. Я стал интересоваться этим вопросом, информация подтвердилась. В своей книге 1998 г. «Теория и метод в психологии» я смело утверждал, что «в названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) далматинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450–1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово „психология“» (Мазилев, 1998, с. 133). То же самое отмечено и в учебнике по общей психологии (Мазилев, 2002). Данные Ивон Брес утверждают первенство Марулича. «В 1590 г. выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке). Название труда Геккеля, который, кстати, является собранием произведений многих авторов о душе: «Психология, т. е. о совершенстве человека, о душе и, прежде всего, о возникновении ее...» (Брес, 1988, с. 124). Но поколебать общее мнение, освященное традицией, казалось невозможным.

Каково было мое удивление, когда в 2013 г. к Маруличу было обращено всеобщее внимание (500 лет..., 2013). Более того, выяснилось, что психология именно в то время отмечала юбилей (Кроник, 2014). 500 лет назад появилось это наименование: не каждому поколению «служителей» этой дисциплины, науки о душе, «возвышен-

ной и удивительной», как именовал ее Аристотель, суждено отмечать столь значительное событие. Обратим внимание, что термин «психология» появился ровно 500 лет назад: А. А. Кроник определил, что скорее всего юбилей имел место в 2013 г. Воспользуемся случаем и скажем несколько слов об авторе термина.

Марко Марулич родился 18 августа 1450 г. в Сплите, который тогда принадлежал Венецианской республике (ныне Хорватия). Поэт, философ, гуманист, создатель хорватской литературы, «отец хорватского ренессанса». Марулич – автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В 1510-х годах Марко Марулич пишет трактат *Psichiologia deratione animæ humanæ* (Психология человеческой души), в названии которого впервые используется слово «психология». Труд этот не сохранился, но его название содержится в списке трудов Марко Марулича. Судя по положению в списке, трактат по психологии был создан между 1510 и 1517 гг. (Кроник, 2014; Мазиллов, 2013 в.

Насколько я могу судить, особого резонанса в психологическом сообществе эта дата не вызвала. Состоялась заочная конференция «500 лет использования понятия «психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ MarkoMagulic)», организованная редакцией журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», в конференции приняли участие всего несколько человек. Конференция была пролонгирована на весь 2014 г. Проект «500 лет...» реализовывался как непрерывная годичная заочная научная конференция с публикацией поступавших материалов в сетевом или печатном издании научного журнала «Вестник...» и ЭНЖ «РЕМ». Целевая аудитория этих публикаций – студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели государственных и негосударственных учреждений высшего профессионального образования, сотрудники научно-исследовательских учреждений, практические психологи (Пятьсот лет..., 2014). Это дает нам основание вспомнить, что наша древняя и вечно молодая наука прошла большой путь. И мы можем обратиться к ее истории или в поиске подсказок, или в надежде на то, что найдем места, где «ветвились тропинки» (Х.Л. Борхес). Это важные ориентиры для осмысления того, «что есть психология как наука и куда она идет», повод для того, чтобы попытаться выяснить, где и когда произошло разделение на психологию практическую и психологию академическую. Или, возможно, тропинки ветвились не так, и у этих ветвей психологического знания не только ствол, но и корни разные?

Историческое введение

Видимо, сегодня наступила пора вернуться к обсуждению вечных вопросов. По нашему мнению, это извечная проблема психологии – наличие в общем комплексе знаний о психическом разных составляющих, в самой психологии – разных потоков.

Поскольку у психологии длинная история, совсем не удивительно, что точка отсчета устанавливается совершенно по-разному. Уже у Аристотеля мы можем найти и элементы психологической теории, и элементы психологической практики, а значит, в той или иной форме можно говорить об их оппозиции. В самом деле, в IV в. до Р.Х. термина «психология» еще не было, а учение о душе – *logosperipsyche* – уже есть, Платон придумал слово «психагогия» для обеспечения практики, реализуя которую хороший оратор может вести за собой своих слушателей... Чем не оппозиция ликейского и академического? И, кстати сказать, отметим, что не видим ничего плохого в том, что между разными потоками внутри психологического знания есть разрывы и оппозиции. Как говорил, выступая на Ярославском методологическом семинаре в 2003 г. В.П. Зинченко, единство сознания и деятельности может быть в одном случае лишь у трупа, когда нет ни сознания, ни деятельности... Пока психология живет, разрывы и диссоциации будут неизбежно. Единство нам только снится!

Исторически психология, как известно, начинается с донаучной психологии, которую, по известному выражению П. Жане, «народ создает еще до психологов» (Роговин, 1969, с. 18). С психологии, которая не осознает себя наукой (и ею, в общем-то, не является), а существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М. С. Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино, обусловленные необходимостью понимать другого человека в процессе совместного труда, необходимостью правильно реагировать на его действия и поступки (Роговин, 1969, с. 18). «Человек развивался и познавал свой субъективный мир по мере того, как овладевал внешним миром. Внутреннее становилось доступным через практическое взаимодействие с окружением» (Роговин, 1969, с. 37–38). Отметим, что не подлежит, по-видимому, сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение. Скажем о донаучной психологии чуть подробнее. Роль донаучной психологии не должна недооцениваться. Житейские представления о психическом существуют у каждого человека, они составляют ту основу, на которую «проецируются»

научные построения. ИмPLICITные представления (так называемые «имPLICITные теории» личности, мотивации, психики в целом и т. д.) человека, определяющие в значительной степени взаимодействие человека с миром, должны учитываться как одна из предпосылок формирования психологической теории. Здесь уместно вспомнить о понятии «мезокозма», используемом в эволюционной эпистемологии Г. Фолльмера (1991). «Мезокозм – это когнитивное окно, которое открывается перед человеком, обремененным своей биологической природой. Это мир средних измерений, к которому адаптировался человек в ходе биологической эволюции. Мезокозм, согласно Г. Фолльмеру, это „когнитивная ниша“ человека» (Князева, 1995, с. 179). Мезокозм соответствует миру средних размерностей. Г. Фолльмер анализирует интуитивные представления о движении современного человека, констатируя сходство с физическими теориями средневековья. Утверждается, что эти предрассудки практически неустранимы (Фолльмер, 1996). Остается только выразить сожаления, что особенности интуитивных представлений человека о собственной психике не исследованы пока в достаточной степени. Возможно, что прогресс в этой области будет достигнут, когда научная психология ассимилирует опыт, накопленный в трансперсональной психологии.

Важным признаком донаучной психологии является то, что ее «объект по существу не меняется (это всегда те люди, с которыми мы непосредственно соприкасаемся)» (Роговин, 1969, с. 19). Донаучная психология, таким образом, имеет «объектное» происхождение. Для нее важен сам человек, можно сказать, что донаучная психология личностно-ориентированна. Для нее важны практичность (возможность использования) и целостность (предсказание поведения, поступков целостного человека). Так донаучная психология требует «заземления», практического знания. Роль донаучной психологии в современной психологии состоит, по-видимому, в том, чтобы отстаивать тенденцию к целостному («объектному») и практически ориентированному познанию. К сожалению, особенности донаучной психологии изучены пока явно недостаточно.

На наш взгляд, было бы неправильно сводить «начальную» донаучную психологию только к вышеописанной. Это только один из ее корней. Психология «вырастала» одновременно из различных источников, на что совершенно справедливо указывал еще Макс Дессуар, один из первых историков психологии. Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью

(психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т. д. (психогностика) (Дессуар, 1912). Нельзя не учитывать также опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т. д. (Пути за пределы «эго», 1996).

Шаманские практики существуют в течение 40000 лет.

Итак: у психологии много корней. Методологический анализ свидетельствует о том, что психология не представляет собой монолита: она «гетерогенна» (неоднородна). М. С. Роговиным было предложено разделение на донаучную, философскую и собственно научную психологии (Роговин, 1969). Такое разделение психологического знания в традиции франкоязычной психологии: об имPLICITной психологии писал П. Гийом, о донаучной психологии говорил П. Жане. Подобное расчленение психологического знания (и, соответственно, трех видов психологии – донаучной, философской и научной) представляется полезным для анализа интересующей нас темы. При этом хотелось бы обратить внимание на существенное различие между членением психологии, предложенным М. С. Роговиным, и многочисленными трехчленными делениями, которые были очень популярны в прошлом столетии. В качестве примера можно взять известный закон «трех стадий» О. Конта (Конт, 1910, 1912), в соответствии с которым в развитии любой науки могут быть выделены теологическая, метафизическая и научная стадии. Согласно Конту, имеет место смена одной стадии другой: переход к следующей «отменяет» предыдущую. По мнению М. С. Роговина, в психологии дело обстоит иначе: «Самой характерной особенностью истории психологии является то, что все эти три значения термина не сменяют друг друга как последовательные этапы, а продолжают существовать наряду друг с другом, оказывая друг на друга влияние в большей или меньшей степени» (Роговин, 1977, с.19). Для нашего исследования важно, что указанные течения в психологии и виды психологического знания сосуществуют в культуре и, следовательно, могут оказывать взаимное влияние.

К сожалению, нет больше возможности анализировать отношения между потоками психологического знания в предыстории психологии (хотя заманчиво отправиться на поиски неожиданных оппозиций, некоторые из них покажутся крайне неожиданными). Поэтому обратимся к тому времени, когда психология стала самостоятельной наукой. Как известно, внимание к проблеме разрыва между психологической теорией и психологической практикой при-

влек Л. С. Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) (Выготский, 1982), которая была опубликована лишь в 1982 г., до того была известна лишь узкому кругу специалистов по копиям в самиздате. (Мазилев, 1998, 2007).

Соотношение академической и практической психологии в конце XX в.

Здесь точка отсчета определяется, как представляется многим, совершенно однозначно: в 1996 г. появилась известная статья Ф. Е. Василюка, от которой обычно исчисляется современный отсчет анализа данной проблемы. В этой яркой статье, напомним, утверждалось, что существует схи́зис между академической и практической психологией. Как нам представляется, не стоит все же забывать, что О. К. Тихомиров первым в новейшей истории отечественной психологии поставил проблему соотношения академической и практической психологии, причем он рассматривал это как проблему мировой психологической науки. «Соотношение теоретической, или академической, психологии и психологии практической. Две области разорваны в структуре мировой психологической науки. Этот разрыв организационно оформлен. Существуют две международные ассоциации. Одна называется „Ассоциация научной психологии“, другая „Ассоциация прикладной психологии“. Они собираются в разных городах, с разным составом (иногда он может частично совпадать)» (Тихомиров, 1992, с. 55). В результате практическая работа психологов строится без опоры на теории, развиваемые в академической психологии. Академическая психология, соответственно, недостаточно анализирует и ассимилирует опыт практической психологии. Нельзя не заметить, что соотношение академической и практикоориентированной психологии сегодня обсуждается в периодической печати очень широко, проблема и сегодня остроактуальна. При этом исследователи редко, к сожалению, вспоминают, что проблема в новейшей истории психологии была поставлена на обсуждение именно О. К. Тихомировым еще в 1992 г.

Но вернемся к работе Ф. Е. Василюка. Название этой статьи, получившей широкий резонанс, – «Методологический смысл психологического схи́зиса». Схи́зис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схи́зис нашей психологии, ее расщепление. Психологичес-

кая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности...» (Василюк, 1996, с. 26). Ф. Е. Василюк подчеркивает, что «наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 1996, с. 27).

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» (Василюк, 1996, с. 27).

Проблема была проанализирована в работах А. В. Юревича о системном кризисе в психологии, где диагноз, поставленный Ф. Е. Василюком, был углублен и рассмотрен в более широком социокультурном контексте. Статья А. В. Юревича называется «Системный кризис психологии» (1999), она посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, так как это одно из немногих *специальных* исследований по данной проблеме.

А. В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны паранауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. А. В. Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, „силы“ представляют собой „государства в государстве“, которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несоизмеримы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь-либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т. д.» (Юревич, 1999, с. 4).

А. В. Юревич справедливо указывает, что в 1970-е годы возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и удалена от естественных наук, чем раньше.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рационализма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» (Юревич, 1999, с. 9). Автор использует важные понятия «социодигмы» и «метади́гмы» (см. таблицу 1). «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же *различными сообществами*, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» (Юревич, 1999, с. 7). Метади́гмы связаны с выделением таких систем отношения к миру, как западная наука, традиционная восточная наука, религия и т. д. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать *метади́гмами*, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» (Юревич, 1999, с. 9). Водораздел между различными метади́гмами состоит в том, что они опираются на различные типы рациональности.

Наука, согласно А. В. Юревичу, зависима от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метади́гмами и распространенные в обществе представления. «Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метади́гм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественно-научности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной

Таблица 1
Общие типы когнитивных систем (Юревич, 1999)

Когнитивные системы	Примеры	Конституирующие признаки
Метатеории	Когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ	Объяснение психологической реальности, способы ее исследования
Парадигмы	Позитивистская и гуманистическая психология	Модели человека, подходы к его изучению
Социодигмы	Исследовательская и практическая психология	Различные внутридисциплинарные сообщества
Метади́гмы	Западная наука, восточная наука, паранаука, религия	Типы рациональности

плоскости как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько *системы ее взаимоотношений с обществом*, и поэтому может разрешиться только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метади́гме одолеть ее конкурентов» (Юревич, 1999, с. 10).

Отметим, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться. Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии может быть преодолен только *целенаправленной совместной работой психологического сообщества*, т. е. социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета (Мазиллов, 1998, 2007). Для того чтобы приступить к рассмотрению новейших работ по проблеме соотношения академической психологии, необходимо дать хотя бы краткую характеристику этих сфер психологического знания. Не имея возможности привести характеристики современной академической психологии, ограничимся рассмотрением лишь парадигмального подхода. При характеристике практико-ориентированной психологии рассмотрим лишь работы И. Н. Карицкого, в которых, на наш взгляд, затронуты важные вопросы архитектоники психологической практики.

Академическая психология: парадигмы

В последнее время в психологических работах, в многочисленных методологических дискуссиях довольно часто используется понятие «парадигма». А. В. Юревич отмечает: «Методологическое самоопределение психологической науки, как правило, осуществляется в терминах парадигм, а это, введенное Т. Куном, понятие получило в ней намного более широкое распространение, нежели такие его «конкуренты», рожденные на территории философской методологии науки, как исследовательская программа (И. Лакатос), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др.» (Юревич, 2008, с. 3). Столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии. Понятия «исследовательская программа» и «исследовательская традиция» в большей степени используются в работах по истории психологии. Поэтому не удивительно, что психологи обращаются, в первую очередь, к понятиям этого уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой? Да и фактор моды не стоит недооценивать.

В связи с широким использованием термина «парадигма» уместно заметить следующее. В современной науке просто необходим более «масштабный» взгляд. Идея парадигмы витала в воздухе. Как отмечает историками науки, в философию науки понятие парадигмы было введено в начале XX в. позитивистом Г. Бергманом для характеристики нормативности методологии, однако широкое распространение приобрело после работ американского историка физики Томаса Куна. Как отмечает В. С. Черняк, почва была подготовлена. Французский историк и философ науки Элен Мецжер (1889–1944), трагически погибшая в газовой камере в Освенциме, была предшественницей Куна в истории идей.

Предмет исследования Мецжер, как отмечает В. С. Черняк, является история идей, она не касается истории жизни ученых, элиминируя тем самым из своей работы биографические данные и психологию изучаемых авторов. Она полагает, что невозможно определить механизм связи эволюции доктрин, экспериментальных открытий и технических изобретений химии с определенной эпохой, пока не будет проанализирована и изложена история идей. Главное для нее – это показать формирование самих основ теорий, их модификацию под давлением внутренней логики или же под давлением

внешних влияний (социальных или научных) (Черняк, 2001). «Мецжер выдвинула одну из первых моделей некумулятивного развития науки, предвосхитив ряд принципиальных положений концепции Куна и оказав на него заметное влияние» (Черняк, 2010, с. 562). По Мецжер, необходимо отделять период становления (генезиса) определенной науки от стадии ее существования как уже оформленной научной дисциплины. В фазе генезиса наука не является автономной системой, развивающейся по своим внутренним законам. Эволюция науки в значительной мере определяется и направляется господствующими философскими течениями. На этом этапе обычно существует плюрализм мнений ученых, множественность концепций и отсутствие общепринятой теории (Черняк, 2010). Такая эпистемологическая ситуация, которую Мецжер называет «интеллектуальной анархией», во многом определяется отсутствием четкого осознания предмета познания и специализации в среде исследователей. Зрелая фаза науки характеризуется ее дисциплинарной структурой – наличием собственного предмета и методов исследования, а также организованной группы ученых, работающих в рамках общепризнанной теории. Переход от плюрализма к такой теории, согласно Мецжер, совершается внезапно, без видимой связи с предшествующими работами. Причем новая концепция быстро завоевывает популярность у многих ученых, которые вербуются нередко из числа ее бывших противников, как бы обращенных в новую веру (Черняк, 2010). С утверждением общепринятой концепции ученые свою главную задачу видят в расширении области ее применения. Их работа сводится к усовершенствованию принятой теории, не затрагивающему ее основных принципов. В. С. Черняк пишет: «Однако в ходе этого спокойного эволюционного развития постепенно обнаруживаются трудности и аномалии, которые приводят в итоге к кризису общепризнанной концепции и стремлению найти ей замену Мецжер доказывала также, что развитие науки тесно связано с общим ходом цивилизации, поэтому социальное значение тех или иных научных достижений зависит от их соответствия путям развития и потребностям общества» (Черняк, 2010, с. 562).

Очевидно существенное сходство изложенных позиций Э. Мецжер и концепции Т. Куна. Сама эта история может служить аргументом в пользу подтверждения роли социального фактора в развитии науки...

Обратимся собственно к понятию «парадигма». «Психологи называют парадигмами и общие теории, и основные исследователь-

ские направления, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, и более частные модели проведения исследований, и два основных „типа“ психологии – естественно-научную и гуманитарную, и модели экспериментального исследования, и многое другое. С некоторых пор этот термин проник в практическую психологию, где тоже используется для обозначения совершенно разных реалий, в частности, соперничающих в ней школ и направлений» (Журавлев и др., 2012, с. 8).

По проблемам парадигм и парадигмального статуса психологии проходили конференции и другие подобного рода мероприятия, осуществлялись специальные издания (см.: Парадигмы в психологии, 2012; Методология современной психологии..., 2010). Конечно, обсуждение методологических вопросов всегда представляет определенный интерес, а сама методологическая рефлексия не может быть полностью бесполезной. Но ожидать от дискуссии существенного прорыва не приходится, поскольку в психологии с термином «парадигма» обычно обходятся настолько вольно, что споры теряют всякий смысл.

Очевидно, что в таких условиях полезны попытки упорядочить употребление термина, «например, путем выделения разных уровней парадигмальности: различение парадигм общих и частных, мировоззренческих, общенаучных, конкретно научных и индивидуально-ситуативных, американской, западноевропейской и российской парадигм и т. п.» (Журавлев и др., 2012, с. 8). Отметим, что такая работа уже проводится. Пионером ее можно считать известную публикацию Д. Моргана (Morgan, 2007), в которой приводится таблица с различными вариантами понимания парадигм (Morgan, 2007, p. 51).

Воспользуемся переводом В. А. Янчука и предложим эту таблицу нашему читателю.

Для каждого варианта понимания парадигмы установлены определяющие характеристики, что, несомненно, представляет существенное продвижение в данной проблематике. В русскоязычной психологии она успешно реализуется известным белорусским психологом В. А. Янчуком (Янчук, 2012а), который провел перспективное исследование по соотнесению парадигмальных координат. В качестве объекта анализа в статье В. А. Янчука выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению метатеоретических оснований психологического знания (Янчук, 2012а). К анализу были привлечены следующие парадигмы:

Таблица 1
Четыре типа парадигм (Янчук, 2012б)

Парадигмы как мировоззрения	Парадигмы как эпистемологические позиции	Парадигмы как разделяемые представления в исследовательской области	Парадигмы как примеры моделей
Всеохватывающие перспективы мира	Онтология, эпистемология и методология философии знания	Разделяемые представления о природе вопросов и ответах на них в исследовательской области	Полагается на специфические экземпляры или типичные решения проблем
Имплицитное	Прямо обсуждаемое, но не поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое
Общее как нетехническое использование	Доминирующая сегодня версия	Относительно необщая	В большей части отсутствующая
Признает роль личного опыта и культуры в научном познании	Полагается на хорошо известные элементы философии знания	Может быть изучена путем проверки работ наиболее авторитетных авторов	Крайне эксплицитные и конкретные
Крайняя широта, слабое отношение к изучаемому	Широкий подход к познанию, менее очевидная связь с изучаемым	Обычно описывает результаты небольших групп исследователей, а не целостную дисциплину	Очень узкое, ограниченное применение
Слабое эксплицитное использование	Основополагающее влияние	Небольшое влияние	Небольшое эксплицитное использование

- 1) биологическая,
- 2) бихевиористская,
- 3) гуманистическая,
- 4) деятельностная,
- 5) диалогическая,
- 6) интеракционистская,
- 7) когнитивистская,
- 8) нейронаучная,
- 9) психодинамическая,
- 10) социально-когнитивно-наученческая,
- 11) феминистская,
- 12) экзистенциально-феноменологическая.

То, что именуется в этом перечне парадигмами, представляет собой синкретическое объединение разнородных и разноуровневых, часто взаимнопересекающихся подходов, направлений, ориентаций и т. д. Представляется, что не все перечисленное можно именовать парадигмами. Да и многовато их получается для нашей молодой науки. Возникает устойчивое впечатление, что увеличение количества парадигм надежно свидетельствует о том, что это уже «не совсем парадигмы»...

В. А. Янчук отмечает, что рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их соотнесения. «Обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции имеют место как пересечения ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим оппозициям с другими традициями, так и существенные расхождения. В них тоже есть несомненный позитивный потенциал, т. к. смещения акцентов в ту или иную сторону в различных их комбинациях позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методов; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов» (Янчук, 2012, с. 149).

Согласно В. А. Янчуку, «каждая парадигма обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими схватить те грани

и особенности, которые не схватываемы с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазвития, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве вечного движителя прогресса человеческого познания» (Янчук, 2012, с. 149).

Как отмечает В. А. Янчук в другой работе, сегодня в любом учебнике по психологии, теориям личности, возрастной и другим психологиям начали появляться весьма конструктивные разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В серьезных зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Integrative Psychological and Behavioral Science», «New Ideas in Psychology», «Perspectives on Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Theory and Psychology», и др. начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов, с акцентом на выявление оснований и путей межпарадигмального диалога (Янчук, 2012б).

В работах В. А. Янчука дается подробный анализ ситуации в мировой психологии перехода от парадигмальных войн к парадигмальным дебатам, а затем и к парадигмальному диалогу (Янчук, 2012а, б).

Еще раз подчеркнем, что нам прогресс человеческого познания в данном случае видится в первую очередь в том, что «кандидаты» на роль парадигм всесторонне анализируются и обсуждаются, тем самым соотносятся между собой, что в известном смысле выполняет подготовительную работу, обеспечивая (создавая и уточняя, конкретизируя) фактуальную основу для грядущих исследований парадигмального статуса психологической науки. Тем не менее эта работа пока далека от завершения, поэтому, по нашему мнению, в настоящее время дискуссии об актуальном парадигмальном статусе несколько преждевременны.

Как нам представляется, более актуальны исследования, связанные с анализом конкретных подходов, претендующих на статус парадигм в психологии. Рассмотрим, какие подходы могут претендовать на статус парадигмы в современной психологии.

Некоторые зарубежные авторы говорят о позитивистской парадигме. В. А. Янчук отмечает, что доминирующая в науке пози-

тивистская парадигма исходит из принципиальной возможности получения объективного знания об окружающей реальности. Это объективное знание обеспечивается процедурами операционализации и верификации. Иными словами, данные и их анализ являются свободными от ценностей и субъективности исследователя. В самом широком понимании позитивизм исходно отрицает метафизику, утверждая, что задачей науки является просто непредвзятое описание фактов, прикосновение к тому, что мы наблюдаем и измеряем (Янчук, 2012б). Таким образом, позитивисты дистанцируются от личностного фактора и его влияния на изучение мира, в то время как представители других метапарадигм признают возможность взаимодействия внешнего мира с внутренним миром познающего субъекта и необходимость рассмотрения этого взаимодействия для лучшего понимания и выявления существенных свойств и характеристик изучаемых явлений (Янчук, 2012б, с. 6). Позитивизм определялся многообразными способами. Согласно Колаковски, позитивизм основывается на четырех ключевых доктринах: правиле феноменализма, утверждающего существование только опыта при отрицании любых абстракций типа «материи» и «духа»; правиле номинализма, в соответствии с которым слова, обобщения, абстракции и т. п. являются всего лишь лингвистическими феноменами и не дают новых инсайтов в отношении мира; отделении фактов от ценностей; и единстве научного метода (Kolakowski, 1972).

В соответствии с позитивистской эпистемологией, научное познание рассматривается как получение истинного знания, понимания мира с целью выявления оснований его предсказуемости и контролируемости. Мир и универсум в таком понимании являются детерминированными, управляемыми причинно-следственными законами, которые могут быть выявлены посредством научных методов. Выведение нового знания осуществляется дедуктивно, являя своим продуктом проверяемые теории. (Янчук, 2012б). Позитивисты уверены в верности эмпиризма, придерживаясь идеи о центральности наблюдения и измерения как фундаментального основания научного исследования. Ключевым методом является научный эксперимент, направленный на установление естественных законов природы посредством наблюдения и манипулирования переменными. Именно позитивистская методология лежит в основании классической экспериментальной психологии, придавшей психологическому знанию статус научного, благодаря усилиям бихевиористов. Во многом экспериментальной психологическая наука

остается и сегодня, свидетельством чему являются доминирующие в научных журналах публикации эмпирицистского толка. Проблема заключается в том, что критериями объективности и научности в позитивизме являются измеримость и воспроизводимость научных результатов, конституированная в принципах операционализации и верификации. Как раз с ними у психологической науки и возникают фундаментальные проблемы (Янчук, 2012б). Во первых, психика (внутренняя реальность, активность и т. п.) как основополагающий конструкт не подлежит непосредственному наблюдению и тем более измерению. Следовательно, психологические измерения в отличие от классических естественно-научных носят опосредованный характер, требующий специальных усилий для снятия исследовательской субъективности, в принципе недостижимой в силу значительного числа влияющих переменных. Во-вторых процедуры верификации, предполагающие пространственно-временную бесконечность, также практически неприменимы к психологической феноменологии. Попытка решения этой задачи математическими методами не является исчерпывающей, так как в дальнейшем исследователь оперирует математическими константами, оторванными от их субъекта и упрощающими процессы, реализующиеся в его внутренней активности. Впрочем, как указывает В. А. Янчук, эта проблема в психологии либо замалчивается, либо не осознается вовсе (Янчук, 2012б).

Как отмечает В. А. Янчук, в зарубежной психологии позитивизму противостоит «конструктивизм»: «Наиболее очевидное отличие между «конвенциональной» позитивистской системой представлений и «натуралистической» или конструктивистской системой в эпистемологическом аспекте заключается в том, что первое является по существу объективистским, признающим принципиальную возможность экстерииоризации исследуемой реальности без прикосновения к ней и вовлечения в нее, а принципиальная позиция конструктивистов заключается в том, что эпистемологически исследователь и исследуемое взаимосвязаны друг с другом таким образом, что результаты исследования по существу являются следствием самого процесса их взаимодействия. Конструктивисты, таким образом, занимают позицию созидания знания в процессе взаимодействия познающего и познаваемого» (Янчук, 2012б, с. 8)

Попытку нахождения своеобразного межпарадигмального компромисса представляет реализм – философская традиция, содержащая элементы как позитивизма, так и конструктивизма (крити-

ческий реализм или постпозитивизм, неопозитивизм). В то время как позитивизм утверждает существование единственной, конкретной реальности, а интерпретативизм – множественные реальности, реализм провозглашает множественные восприятия единственной, независимой от мышления реальности. Понятие «реальности», используемое реализмом, выходит за рамки самости или сознания, но не является полностью раскрываемым или познаваемым. Вместо независимой от ценностей реальности, как в позитивизме, или обусловленной ценностями, как в интерпретативизме, реализм вместо зависимости познания от ценностей признает зависимость от них человеческих систем и исследователей (Янчук, 2012б).

Как представляется, позитивизм все же – скорее не парадигма, а метапарадигма.

Рассмотрим кратко те подходы, которые могут претендовать сегодня на статус *основных парадигм психологии*. На наш взгляд, сегодня на то, чтобы выступать в качестве основных парадигм, определяющих лицо психологической науки, могут претендовать две – естественно-научная и герменевтическая. Нам уже приходилось писать об этом, поэтому скажем очень кратко (Мазиллов, 2007, 2012)

Естественно-научная парадигма. Исторически это первая парадигма научной психологии. Естественно-научная она не потому, что психология, согласно этой парадигме, основывается на данных естественных наук, в частности, физиологии. Она естественно-научная потому, что построена по образцу естественных наук начала XVIII в., как это представлял себе Кант. В основе естественно-научной парадигмы лежит проект, являющийся ответом на кантовскую критику психологии (Мазиллов, 1998). Основные черты естественно-научной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут быть сведены к следующему: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, т. е. сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования разработанные в естественных науках (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественно-научного подхода в психологии – атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтеевском смысле), склонность к психофизиологическим объяснениям и т. п., по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентации, склонность к физиологическим объяснениям и т. д.

Герменевтическая парадигма. Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтеем (1833–1911). В работах Дильтея получила развитие идея целостности психических актов, высказанная Brentano.

На наш взгляд, Brentano одним из первых в психологии XIX в. выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе, и, для того чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный – брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т. д.

Вундтовской психологии, которую Дильтей определял как объясняющую, конструктивную, он противопоставил описательную, расчленяющую, понимающую. О дильтеевской психологии написано очень много, что избавляет от ее подробного представления. Но, к сожалению, очень часто возникают недоразумения. Достаточно распространена, к примеру, точка зрения, согласно которой: «В психологии Дильтея достигает своего предельного выражения дуализм низшего и высшего, отчетливо выступивший уже у Вундта, – это метафизическое разделение психологии на два этажа, или, как писал Л. С. Выготский, «на две науки – физиологическую, естественно-научную или каузальную психологию, с одной стороны, и „понимающую“, описательную или теологическую психологию духа как основу всех гуманитарных наук, с другой» (История психологии, 1992, с. 318). То, что справедливо для психологии Вундта, не является таковым для Дильтея. Различие между объяснительной и описательной (понимающей, расчленяющей) психологией для Дильтея чисто *методологическое*: один или другой подход мо-

жет быть распространен на всю науку. За объяснительной психологией признается право на существование, но ее значение невелико. Характеристика описательной психологии хорошо известна. «Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни. Она изображает эту связь внутренней жизни некоторого рода типическом человеке. Она пользуется всяким возможным вспомогательным средством для разрешения своей задачи. Но значение ее в шкале наук основывается именно на том, что всякая связь, к которой она обращается, может быть однозначно удостоверена внутренним восприятием, и каждая такая связь может быть показана как член объемлющей ее, в свою очередь, более широкой связи, которая не выводится путем умозаключения, а изначально дана» (Дильтей, 1996, с. 28). «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем. Во внутреннем опыте даны также процессы воздействия, связи в одно целое функций как отдельных членов душевной жизни. Переживаемый комплекс тут является первичным, различие отдельных членов его – дело уже последующего. Этим обуславливается весьма значительное различие методов, с помощью которых мы изучаем душевную жизнь, историю и общество от тех, благодаря коим достигается познание природы» (Дильтей, 1996, с. 16). «Итак, необходима и возможна психология, кладущая в основу своего развития описательный и аналитический метод, и лишь во вторую очередь применяющая объяснительные конструкции, причем она сознает наличие положенных им пределов и применяет эти конструкции так, что такие гипотезы не являются, в свою очередь, основанием для дальнейших гипотетических объяснений. Она будет основа-

нием наук о духе, подобно тому как математика – основа естествознания» (Дильтей, 1996, с. 89).

Дильтей подверг резкой критике объяснительную психологию Лотце, Вундта и других представителей немецкой психологии. Главными ее недостатками Дильтей считал элементаризм и конструктивизм. По Дильтею, эта психология пытается выделить исходные элементы в сознании, из которых с помощью произвольных гипотез сконструировать целое. Поскольку интерпретации произвольны и гипотетичны, маловероятно, что итоговая картина будет убедительной.

Этой психологии Дильтей противопоставляет собственный подход, который называет описательной (понимающей, расчленяющей) психологией. Основные ее черты:

1. Необходимо исходить из данности сознания, очевидности.
2. Целостность сознания. Дильтей говорит о связности душевной жизни.
3. Необходимо идти не от элементов к целому, а, напротив, исходить из целого.
4. Важнейшим понятием является переживание. Важно понять, что данное переживание означает для человека. Тем самым обеспечивается связь с надындивидуальным миром культуры.
5. Необходимо не выделять элементы, расчленять сознание на целевые системы.
6. Задача психологии не объяснять, а понимать. Причинность в психологии должна пониматься не так, как в естественных науках.
7. Важнейшим методом психологии является типология.
8. Личность представляет собой целостность.

Если Вундт строил физиологическую психологию «снизу», отправляясь от простейших психических явлений максимально близких к физиологии, то герменевтическая психология исходила из необходимости изучать сложные проявления психической жизни. Если Вундт осваивал «пограничные» области психологии, то Дильтей имел в виду рассмотрение «настоящей» психической жизни во всей ее сложности.

Таким образом, в работах В. Дильтея оформилось представление о неклассической психологии, которое впоследствии стало фундаментом герменевтической (гуманитарной) парадигмы в психологии.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Собственно говоря, речь идет о том, что герменевтическая парадигма предполагает работу с другим как с субъектом, поэтому объяснения, предполагающие редукцию в той или иной форме, в психологии неприменимы. Вместо объяснения должны использоваться описания, важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологиям.

А. В. Юревич отмечает, что «вычлняются шесть ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественно-научной: 1) отказ от культа эмпирических методов; 2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъектным» эмпирическим опытом; 3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя; 4) возможность обобщений на основе изучения частных случаев; 5) единство исследования и практического воздействия, 6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст» (Юревич, 2008, с. 5).

По нашему мнению, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического (см.: Мазиллов, 2012).

В современной психологии появляются новые претенденты на то, чтобы стать новой парадигмой психологии, что, заметим, представляется совершенно естественным. Рассмотрим коротко эти подходы.

Психотехническая парадигма. Стронником этого подхода является Ф. Е. Василюк. Схизис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличностидиссоциированной личности...» (Василюк, 1996, с. 26).

Главная мысль статьи состоит в том, что наиболее актуальными и важными для нашей психологии являются именно психотехнические исследования, их значение состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии (Василюк, 1996, с. 27).

С последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологи-

ческой практики, выскажем опасения, что, на наш взгляд, с *общепсихологическо-методологическим* значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего, констатируем, что лозунг «от исследования психики к работе с психикой» в принципе не является новым. Об этом говорил известный отечественный методолог Г. П. Щедровицкий. Психотехнические «мотивы» в творчестве Л. С. Выготского обнаруживал, как известно, А. А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, «сглаза» и т. д. становятся процедурами принципиально рядоположными. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического *как оно есть*. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. В данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определенным образом характеризует, но всегда существует опасность смешения «существенного» и не вполне существенного. Критерии во многом задаются «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей. Впрочем, еще в позапрошлом столетии К. Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в, что ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям. Может быть, дело в психологических теориях? Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объектна. Наука – и в этом ее сила – предметна, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии – разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей).

И консультативная работа – это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л. С. Выготский в 1927 г. иронизировал по поводу трудноприменимости эйдетики Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренессансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна и может быть объектом специального анализа (Мазиллов, 1998). Важно подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует – и это очень важно – о явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва? По нашему мнению, причина все та же – слишком узкое понимание предмета научной психологией.

В последние годы много говорится о *постмодернистской парадигме* в психологии, рассматривается влияние, оказанное на психологию постмодернизмом. Этот актуальный вопрос обсуждается в работе Т. Д. Марцинковской (Марцинковская, 2007). Автор приходит к выводу: «Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнение понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает их методологию с постмодернизмом» (Марцинковская, 2007, с. 43). «Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира – это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде все-

го, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности» (Марцинковская, 2007, с. 43). Этому вопросу касается в своей работе и М. С. Гусельцева, которая отмечает: «Прочтение постмодернизма современной психологией – дело сколь эвристическое, столь и ответственное. К находкам постмодернизма относят метафоричность дискурса, синкретичность мысли, принципиальную недоконцептуализированность понятий, творчество терминов, эксперименты со стилем. Что же касается отрицания постмодернизмом автора, субъекта, то и в этом можно найти здравый смысл. Постмодернизм демократичен, он стирает грани между вещами, между старым и новым, низом и верхом, отменяет иерархии. Это мироощущение, это жизненный стиль...» (Гусельцева, 2007, с. 70).

Глубокий анализ влияния постмодернизма на методологию психологии проделан В. А. Янчуком (Янчук, 2000, 2005).

На наш взгляд ввиду размытости постмодернистской позиции она в настоящее время не может претендовать на роль ведущей парадигмы в психологии как науки.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является *синергетика*. В. Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой (Крылов, 1998). Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 1970-х годов. Сам термин введен Г. Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И. Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т. д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных» (Князева, 1995, с. 4).

Особенный интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли синергетика претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В. Ю. Крылов отмечал: «Нелинейные эффекты в психологических системах (имеющих аналогии в других дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» (Крылов, 1998, с. 60). Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По-видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой.) К. Поппер писал о диалектике: «Интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок» (Поппер, 1995, с. 120). Эти слова К. Поппера сказанные в адрес диалектики полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто описательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию аттракторов, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить, насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя не согласиться с В. Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим, важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Нельзя также не согласиться с другим тезисом В. Ю. Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии. Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» (Крылов, 1998, с. 60).

Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В. Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул-реакция, а именно система должна помещаться в те или иные естественные для не внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Важность этого положения трудно переоценить, так как такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невынужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоциационизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX в. распространение получили структурно-уровневые концепции (см.: Роговин, 1977). Наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставит перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях накоплен материал (который нуждается в анализе и методолого-психологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (холизме), телеологии и т. д., которые пытается ввести синергетический подход. Как отмечают сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т. е. о синергетическом видении когнитивных процессов как об общепринятых и в достаточной мере разработанных» (Князева, 1995, с. 218).

Впрочем, есть и более оптимистические оценки. В. Е. Ключко отмечает: «Психосинергетика – это теоретическая психология, точнее, психология, способная теоретически определить предмет своего исследования. Психология, сознательно согласившаяся с тем, что нельзя изучать работу разума, останавливая свое мышление на уровне рассудка. Потребуется еще громадная внутренняя работа, итогом которой должна стать совсем простая идея: не может возникнуть живое из неживого – его там просто нет по определению; не может психика (дух, душа) возникнуть из материи „при ее непосредственном воздействии на органы чувств“ – ее там нет. Нет у человека пря-

мого контакта с миром „чистой объективности“, как нет его и с миром, в котором живет чистый (абсолютный) Дух. Нет у Духа своей обители, как нет и его самого – рафинированного, „чистого“. Дух не скитается и не обитает неведомо где, а живет (в своей идеальной, интегральной форме) в культуре, в этом совокупном общественном продукте. Из нее он переходит в форму реального активного дифференцированного бытия в качестве духа конкретного человека, в нее возвращается по окончании его жизни – чаще обогащенным, иногда деформированным и больным и вынужденным восстанавливаться в процессах перехода в идеальную форму, в процессах интеграции со своей первоосновой» (Клочко, 2001, с. 107).

В. Е. Клочко продолжает: «Самое сложное заключается в том, чтобы понять эту простоту: как „объективная реальность“, так и „субъективная реальность“ есть порождение обыденного сознания, рассудка, а задача „разумной“ (теоретической) психологии заключается в том, чтобы не психику, а целостного человека определить в качестве предмета науки. Ее актуальной задачей является прослеживание того каким образом культура, хранящая и аккумулирующая в себе „дух“ предков (добытые ими знания, отработанные способы видения мира, познания, мышления, их смыслы и ценности бытия, их волю, страсть и т. д.), трансформируется в одухотворенный мир конкретного человека, превращается в нем в то, что составляет его человеческую сущность: многомерный, наполненный предметами, звуками, красками, смыслами и ценностями, развивающийся Мир – в единственного претендента на то, чтобы называться „реальностью“ и „действительностью“» (Клочко, 2001, с. 108). Психосинергетика, по В. Е. Клочко, имеет большие перспективы развития: «Тенденция развития научного мышления, идущая по линии „метафизика–диалектика–синергетика“ не оборвется на синергетике. Она продолжится через конкретизацию в пока недоступных нам механизмах метасистемного мышления. Нам же предстоит ассимилировать этот временный предел научной мысли как опору для ее дальнейшего движения. Причем ассимилировать не на простых системах, где взаимодействие со средой обеспечено фактом однопорядковости, однородности, относительной тождественности системы и ее среды, когда запрограммирована случайность встречи явлений и сущностей, не являющихся в полной мере противоположностями, приводящая каким-то образом к порядку. Психосинергетике предстоит объяснить, каким образом детерминирована, обусловлена сама возможность взаимодействия живого и неживого, материи и духа, психи-

ческого и физического, открыть причину их взаимодействия и его порождающий эффект» (Клочко, 2001, с. 109).

Оценки В. Ф. Петренко менее оптимистичны: «Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психической жизни и ее нейропсихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел, термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (де-персонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциальных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна» (Петренко, 2008, с. 436).

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не может претендовать на то, чтобы явиться новой полноценной парадигмой психологии.

Конструктивистская парадигма. Выше, говоря о зарубежных представлениях о парадигмах в современной психологии, уже упоминали о конструктивистской парадигме. Ныне конструктивизм претендует на то, чтобы явиться парадигмой современной психологии. Согласно В. М. Розину, не может существовать психология как естественная наука, опирающаяся на закон. «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). В реальной психологии, по Розину, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними деятельность. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачи-

вать его изучение, а с другой стороны действовать практически» (Розин, 2010, с. 93).

Согласно оценке А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова, подход В. М. Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы.

Вопрос, который, на наш взгляд, давно заслуживает серьезного обсуждения, – это вопрос о психологическом конструктивизме. Сторонники этой идеи – в сущности правильной и перспективной – обычно полагают, что принцип конструктивизма для психологии является чем-то новым. На наш взгляд, это просто заблуждение. Вся неклассическая психология основана на конструктивизме. В классической психологии – наследнице картезианского самонаблюдения – предполагалось, что самонаблюдение дает истинное знание. Когда выяснилось, что это не так, стали использоваться опосредованные методы исследования, обнаружилось, что то, что реально изучается в психологии, есть *конструкт*, созданный в сознании исследователя, поэтому ничего нового для методологически ориентированного психолога здесь нет. В других науках ситуация может быть иной, но мы говорим о психологии.

Понятно, что в качестве конструктов могут выступать более или менее обобщенные конструкции, более и менее целостные. И, конечно, реальные исследования по этому показателю могут быть самые разные. И именно здесь кроется важное отличие одной психологии от другой. Заслуживает внимания вопрос о том, что в практической психологии используются в основном не модели, а схемы. Это так, потому что схема предписывает действие с объектом, что значимо для практико-ориентированной психологии, которой не нужно измерять, но важно определить, как правильно действовать.

Итак, мы можем констатировать, что в современной психологии лишь естественно-научная и герменевтическая парадигмы могут претендовать на то, чтобы называться парадигмами по праву. По нашему мнению, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического.

Парадигмальный диалог – отдельная проблема, достойная специального обсуждения, которое, как представляется, скоро предстоит. В порядке предположения выскажем мысль, что все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Об этом пишет А. В. Юревич: «Комплексные, многополярные психологические объяснения, в которых нашлось бы место и нейронам, и смыслу жизни, могли бы по-

служить одним из главных средств преодоления противостояния естественно-научного и гуманитарного изучения психики» (Юревич, 2008, с. 14). А. В. Юревич приходит к выводу, что «новые тенденции в развитии психологической науки дают основание предположить, что она отнюдь не обречена на извечное противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигм, которые при определенном взгляде на психологическую реальность могут выглядеть не только не антагонистичными, но и, в терминах Т. Куна, вполне соизмеримыми друг с другом и друг в друге нуждающимся» (Юревич, 2008, с. 14).

Для этого, на наш взгляд, необходимы преобразования внутри самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого ее предмета (Мазилев, 2007). Такого рода преобразования в общей психологии сделают реальными перспективы парадигмального диалога и, возможно, парадигмального синтеза.

Практическая психология (психологическая практика)

В самые последние годы происходит усиление внимания к исследованиям в области методологии психологии. Стоит специально подчеркнуть, что подавляющее большинство специальных методологических исследований относится именно к методологии *психологической науки*. Методологическим проблемам *психологической практики* уделяется куда меньшее внимание, что представляется совершенно неоправданным. Приведем самое распространенное определение методологии. Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и *практической деятельности* (курсив мой. – В. М.), а также учение об этой системе» (Спиркин и др., 1989, с. 359). Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. В современной отечественной психологии наблюдается удивительная картина: если даже методологическим проблемам научной, академической психологии уделяется недостаточное внимание, то методологии *психологической практики* тем более.

Обратимся к книге И. Н. Карицкого, поскольку она является первым систематическим методологическим исследованием психологической практики и ее значение нельзя переоценить.

В последние десятилетия в нашей стране наблюдается интенсивное развитие практической психологии. Возникает огромное

количество психопрактик, психотехник, психотехнологий, практико-ориентированных подходов. Естественно, что это не может не породить значительного числа новых, в том числе и методологических проблем. Многочисленные психологические практики должны быть проанализированы, классифицированы, что представляется необходимым для выявления их реальных возможностей. Вместе с тем мы можем констатировать, что теоретико-методологический анализ многочисленных практик до сих пор не осуществлен. Более того, не выполнена даже предварительная разработка средств методологического анализа психологической практики. По этой причине монография Карицкого И. Н. является чрезвычайно актуальным, методологически и теоретически значимым исследованием, поскольку в значительной степени восполняет существующий в современной психологической науке пробел.

Возьмем в качестве примера пассаж из статьи А. Г. Асмолова, характеризующий положение дел в современной психологии: «В психологии двадцатого века народились свои города, свои психологические страны, свои материки. Одни психологи живут в стране психоанализа, другие – на материках бихевиоризма, гештальтпсихологии, когнитивной и гуманистической психологии. То тут, то там на поверхности моря психологической мысли появляются одинокие острова „психосинтеза“, „кросскультурной психологии“, „нейролингвистического программирования“ и т. п. На все эти земли есть социальный и личный спрос. И спрос немалый. Куда психологу податься? Будем ли мы чужеземцами на этих островах и материках? Сможем ли пересечь границы между этими далеко не всегда ждущими вторжений, заморскими психологическими территориями? Не забудем ли мы, привсе развивающейся тяге странствий в столь различных и далеких психологических краях, откуда мы вышли и, главное, пойдем ли, наконец, куда идем?» (Асмолов, 1999, с. 3). Работа И. Н. Карицкого (если воспользоваться вышеприведенной метафорой) снабжает путешественников и картами, адекватно отражающими территории, и навигационным инструментом, что делает перемещения в психологическом пространстве более безопасными и комфортными.

Итак, работа И. Н. Карицкого посвящена теоретико-методологическому исследованию проблем современных социально-психологических практик. Актуальность темы обусловлена рядом факторов и не в последнюю очередь связана с многообразием подходов к трактовке социально-психологических феноменов как внутри психоло-

гической науки, так и при их реализации на практике. Одну из своих задач автор видит в выработке общезначимых критериев для анализа содержания различных психопрактических систем, их сравнения и оценки. Эта задача реализуется через разработку теоретической модели психологической практики и выяснение механизмов формирования видов психологических практик. Разработанная модель предлагает определенные методологические инструменты для сопоставления между собой концептуального, методического и иного содержания психотехнологий и психотехник.

Автор исследует основное теоретико-методологическое содержание понятия психологической практики, формулирует представление о пространстве собственной психологической практики в отличие от прикладного использования данных психологической науки в других сферах социальной деятельности. Он доказывает тождество понятий психологической и социально-психологической практики, обосновывая это тем, что всякая практика является социальной по своей сути и психологическая практика может быть развернута только как социально-психологическая практика. Далее он исследует понятийное пространство практической психологии. Детальное внимание уделяется анализу конкретных видов психологической практики, в частности, психотерапии, психокоррекции, психологическому консультированию, психологической помощи, психологическому тренингу, диагностике, личностному росту и другим, их сравнению по ряду критериев. Автор формулирует важное положение, что психологическая практика является центральной категорией практической психологии.

Отдельная глава его работы посвящена системно-динамическому исследованию психологической практики и анализу конкретных психопрактических систем. Автор показывает, что психологическая практика представляет собой систему относительно самостоятельных действий, подчиненных основной деятельности, которая организует ее в смысловом и технологическом отношении. В связи с этим выделяются понятия деятельностнообразующих и дополнительных аспектов. Деятельностнообразующие аспекты, становясь ведущей деятельностью, образуют виды психологических практик. Другой момент анализа связан с введением понятий предпосылок и оснований психологических практик. Автор выделяет социальные, личностные, концептуальные, методологические, практические и феноменальные предпосылки и основания психологических практик, исследует взаимосвязь аспектов

и оснований как в теоретическом плане, так и в процессе анализа ряда конкретных психопрактических методов. Развернутому исследованию подвергается психотехнологическое и психотехническое содержание психологической практики, доказывается, что оно является структурной компонентой методологических оснований.

И. Н. Карицким (2002а, 2002б, 204, 2011) предложен ряд классификаций психологических практик, на основе того содержания (аспекты, основания), которое было выявлено в процессе построения модели психопрактики. Содержание деятельностнообразующих аспектов положено в основу классификаций по видам практик. Содержание разных уровней концептуальных и методологических оснований позволяет классифицировать практики по направлениям и школам в психологии, по базисным уровням воздействия, по ценностным признакам, критериям рефлексивности, структурированности и др.

Авторская концепция психологической практики имеет несомненный теоретико-методологический и прикладной интерес. Одним из ее результатов является экспликация содержания психологической практики в развернутую теоретическую модель, которая адекватно выражает основные взаимосвязи и механизмы психопрактического процесса. Предложенная модель имеет ряд прикладных аспектов. Она может служить теоретико-методологической основой для последующих исследований, может быть использована в учебном процессе, в том числе в прикладных курсах.

В концепции И. Н. Карицкого в качестве центральных моментов следует выделить следующие:

- 1) сущность и содержание психологической практики (психопрактики);
- 2) модель психопрактики;
- 3) классификационный анализ психопрактик на основе содержания модели.

Стоит подчеркнуть, что сущность и содержание психологических практик подвергаются специальному методологическому анализу фактически впервые. Между тем не подлежит сомнению, что это один из важнейших вопросов методологии современной практической психологии. Содержание монографии позволяет прийти к выводу, что И. Н. Карицкий вносит значительный вклад в разработку этого вопроса.

Но наибольшее значение, по нашему мнению, для современной методологии имеет разработанная автором модель психологической практики. Автор детально рассмотрел следующие аспекты:

- 1) предпосылки психопрактики;
- 2) вертикальную структуру психопрактики – психопрактические основания, среди них:
 - а) концептуальные;
 - б) методологические;
 - в) практические;
 - г) феноменальные.
- 3) уровневый анализ методологических оснований психотехнологического, психотехнического и методического содержания (каждый уровень оснований имеет свою уровневую структуру);
- 4) горизонтальную структуру психопрактики – психопрактические аспекты, среди которых выделяются две группы:
 - е) деятельностнообразующие (например, психотерапевтический, консультационный, тренинговый и пр.) и дополнительные (например, контекстуальный, компенсационный, интеграционный и пр.);
- 5) механизм формирования вида психопрактики путем генерализации деятельностнообразующего психопрактического аспекта;
- 6) взаимное соотношение предпосылок, оснований и аспектов психопрактики;
- 7) динамическое содержание психопрактики;
- 8) полную модель психопрактики;
- 9) анализ содержания конкретных психопрактических систем на основе модели психопрактики;
- 10) раскрыты эвристические возможности предложенной модели.

Как представляется, разработка модели психологической практики И. Н. Карицким является наиболее значительным вкладом в методологию. Это позволяет построить (такая работа автором выполнена) научно обоснованную классификацию психопрактик. Впервые появилась возможность не просто перечислить различные психологические практики, но сопоставить их по существенным основаниям.

Значение работы И. Н. Карицкого в том, что она открывает новую главу в разработке методологии отечественной психологии.

Методология в трактовке автора предстает достаточно стройной системой положений, представляющих собой рабочий инструмент психолога. Методология психологической практики столь подробно разрабатывается в нашей науке впервые.

Значение работы И. Н. Карицкого также в том, что предложенная им модель – работающая, т. е. позволяет конструктивно решать различные возникающие проблемы. Например, концепция И. Н. Карицкого проясняет логику развития той или иной практики, механизмы и основные типы развития.

Одна из центральных задач научной психологии – выработать непротиворечивую картину психического. Это возможно только при интеграции психологического знания, что должна обеспечить разрабатываемая в последние годы коммуникативная методология. Работа И. Н. Карицкого вносит существенный вклад и в эту область. Различные психологические практики могут быть проанализированы, они становятся соотносимы.

Возникает еще один (причем важнейший для современной методологии психологии) вопрос: есть ли непосредственная связь между *методологией психологической науки* и *методологией психологической практики*, либо они обречены на параллельное и относительно независимое существование?

Наш ответ однозначен: мы полагаем, что такая связь существовать должна, просто в настоящий момент она не эксплицирована (в первую очередь из-за недостаточной теоретической разработанности проблемы предмета психологии).

Академическая и практическая психологии, соотношение. Современность

В 2011 г. в «Психологическом журнале» была опубликована статья А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова «Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия», в которой, в частности, отмечается, что «проблема практической релевантности фундаментальных исследований на протяжении десятилетий волнует психологов, стремящихся ощутить пользу от своих исследований в обозримое время, а не в неопределенном „светлом будущем“» (Журавлев, Ушаков, 2011, с. 5). Авторы ставят, в частности, такую важную проблему, как выявление характера связей между фундаментальной психологией и практикой, который эволюционирует и оказывается индикатором общего состояния психологи-

ческого знания. Эта статья вызвала дискуссию, в которой приняли участие А. Б. Орлов (Орлов, 2012), В. М. Розин (Розин, 2012), А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков (Журавлев, Ушаков, 2012а). В статье А. В. Юревича рассматривается современный уровень взаимодействия исследовательской и практической психологии. Автор подчеркивает, что «схизис» между этими психологиями продолжает обсуждаться. А. В. Юревич показывает, что их расхождения сохраняются несмотря на наблюдающиеся когнитивные и социальные тенденции к сближению. Вместе с тем, по его мнению, существующие представления о «схизисе» во многом порождены неадекватными ожиданиями в отношении академической психологии, а также недооценкой различия социальных функций фундаментальной и прикладной науки (Юревич, 2012).

В самое последнее время новый виток дискуссии, связанной с противопоставлением академической психологии и практической психологии, дали новые публикации А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова. Можно полагать, что эти работы перевели дискуссию на новый уровень, поскольку авторы увидели в противостоянии академической и практической психологии противостояние, в первую очередь, парадигмальное и предприняли попытку его объяснения. Познакомимся с аргументацией авторов.

Прежде всего отметим, что позиция авторов проявляется в том, что они стремятся максимально точно определить обсуждаемые понятия. Сопоставляя различные термины (академическая психология, академико-университетская, фундаментальная психология), авторы приходят к выводу, что «настоящий водораздел проходит по линии использования контролируемого эксперимента. Одна психология, часто именуемая академической, строит теории на основе эксперимента или воспроизводимого исследования, а другая, именуемая практической, сверяет их с клиническим наблюдением и строит на них практическую деятельность, не особенно заботясь о воспроизводимой проверке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 160). Отсюда возникают и другие вторичные и производные определения.

Важным представляется соображение авторов, согласно которому практика в таких областях, как психотерапия, где нет опоры на воспроизводимый эксперимент, тем не менее не может быть названа атеоретичной: в ее основе лежит теория, однако не экспериментальная, а основанная на впечатлениях клинициста. Авторы приходят к заключению, что самым точным будет определять ака-

демическую психологию как науку, в которой теории обосновываются путем проведения эксперимента или иных контролируемых и воспроизводимых эмпирических исследований. Такое определение было бы слишком длинным, авторы предпочитают использовать термин «теоретико-экспериментальная психология». Как синоним используется и термин «академическая психология» – для того, чтобы сохранить единое терминологическое поле с предыдущими работами (Журавлев, Ушаков, 2012).

Авторы реализуют исторический подход и прослеживают историю взаимоотношений теоретико-экспериментальной и практической психологий в нашей стране. Они выявляют тенденции в психологии последнего времени, направленные на сближение академической и практической психологии. Представляется чрезвычайно важным следующий момент. Авторы справедливо отмечают, что «картина, ставшая результатом рефлексии в 1990-е годы, во многом возникла по той причине, что предметом этой рефлексии была преимущественно психотерапия» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 164). Авторы подчеркивают, что сегодня возникает потребность в более обобщенном взгляде, интегрирующем различные сферы науки и практики. В качестве других примеров приводятся инженерная психология и эргономика, психология подбора персонала и т. д. «Следовательно, представление о связи фундаментальной психологии с психологической практикой надо строить на всей совокупности фактов, а не только на основе фрагмента реальности, связанного с различными формами консультационной или психотерапевтической практики» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 165).

Авторы приходят к мысли, что в качестве объяснительного принципа разделения теоретико-экспериментальной и практической психологии выступают способы работы со знанием: «Без обращения к специфически психологическим способам функционирования знаний, без анализа концептуального аппарата психологии во взаимосвязи с подходами к эмпирическим исследованиям остается непонятым, например, почему в психологии, в отличие от других наук, экспериментальный и практический проект не сходятся, а наоборот, по мнению многих все более расходятся» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 167–168).

Как отмечают А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков, в данном отношении намечаются два подхода. Согласно первому, проблема состоит в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. «Это знание не является сегодня настолько разви-

тым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 168).

Согласно второму объяснению, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественно-научным образцам лежат в основе ее отрыва от практики. Практика в рамках такого подхода нуждается в по-новому ориентированной фундаментальной науке, которая уже не будет целиком полагаться на могущество эксперимента, а отдаст дань более гуманитарно направленным вариантам знания (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 168).

Рассмотрим, вслед за авторами, наиболее существенную аргументацию.

Первый из обозначенных подходов связан с именем Я. А. Пономарева. Согласно Я. А. Пономареву, можно выделить три типа научного знания:

- 1) созерцательно-объяснительный;
- 2) эмпирический;
- 3) действенно-преобразующий.

Первый тип относится к доэкспериментальной науке, два других имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

При эмпирическом типе знания не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются лишь эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков поясняют: «Иными словами, при всем многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая локальный характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах требуются другие модели. Так образуется эмпирическая многоаспектность – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях... Нам сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой нашей психики. Мы знаем о механизмах цветовой восприимчивости и о воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к такому видению, которое объединило бы эти локальные достижения в единое целое» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169).

Синтез, или интеграция локальных моделей составляет задачу «действенно-преобразующего знания, которое должно упорядочить локальные модели на основе „объективных критериев“, в качестве которых, по Пономареву, выступают структурные уровни организации явлений – трансформированные... этапы развития» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169). «В нашем контексте важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является раскрытие „глобального «черного ящика»“. Знание эмпирического типа описывает „черный ящик“ извне, а если и раскрывает, то делает это только применительно к „локальному «черному ящику»“, описывая механизм отдельной изолированной функции» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169–170).

В соответствии со схемой, предложенной Я. А. Пономаревым, различные сферы практики можно разделить, отмечают авторы, в зависимости от их локальности или глобальности в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком лишь отдельных действий и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально-ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач. Примером может служить инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации процессов переработки. А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков отмечают: «Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности., как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточно фундаментальными экспериментом, в результате чего классическая схема «теория-эксперимент-практика» нарушается» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 170). Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются бесполезными, поскольку могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков обращают внимание на то, что существует несколько типов локальных моделей. Они выделяют два: первый – локальные модели механизмов (в этих моделях происходит раскрытие «черного ящика», однако лишь в локальном меха-

низме, который является только частью того механизма, который стоит за целостным явлением); второй – локальные модели условий протекания процессов (здесь «черный ящик» не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом). Авторы подчеркивают, что «в этом плане создание локальных моделей механизмов – логичный путь к тому, чтобы постепенно решать большую проблему, но при этом фактически каждая модель относится не к обособленной реальности, а к «функциональному органу», формируемому для решения определенной задачи и тем самым зависимому от структуры целого, подобраться к которой пока не удастся» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 171). Тем не менее знания локальных механизмов могут быть весьма полезны для практики. Хотя они не дают целостного алгоритма действий, не могут обеспечить предсказания результата, зато служат весьма эффективным дополнительным инструментом в руках профессионала.

Второй, альтернативный подход «в весьма последовательной и развернутой форме» – психологический конструктивизм. Согласно Журавлеву и Ушакову, обоснован известным философом и методологом В. М. Розинным. Согласно В. М. Розину, не может существовать психология как естественная наука, опирающаяся на закон. «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). В реальной психологии, по Розину, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними деятельность. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны действовать практически» (Розин, 2010, с. 93). А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков подчеркивают, что «психология не только знание о человеке, но его проект («замышление», по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов – не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин)» (Журавлев, Ушаков, 2012, с.172).

«С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобный другим артефактам: зданиям, произведениям искусства, машинам и т. д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает культура. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой стройке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 172). «Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа „человеческих построек“. Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип постройки. В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психологическое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 172–173).

Представляется чрезвычайно важным замечание В. М. Розина: «В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических построений и схемкак естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев» (Розин, 2010, с. 101).

Согласно оценке А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова, подход В. М. Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы: «Очевидно, что в какой-то мере каждый человек – конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях... Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ о наиболее *общих закономерностях*, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным случаем* при тех или значениях параметров. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако, оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задать вопросом, является ли она универсальной, или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня

тот или иной аспект описан реальной наукой» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 173).

Как отмечают А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков, «с позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, но схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащих с патологией» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 174).

Авторы приходят к оптимистическому выводу, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако он не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать принципы психологического конструктивизма (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 175).

Общее заключение А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова таково, что «академическая и практическая психологии работают каждая по своим эталонам, и в этом смысле их характеристика как различных парадигм правомерна» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 175).

Но применение взглядов Т. Куна к психологии требует их уточнения и модификации. «Дело скорее в том, что понятия Т. Куна недостаточно тонки, чтобы характеризовать ситуацию в психологии. Следует отметить, что это вряд ли связано со спецификой психологии. В частности, П. Фейерабенд критиковал Т. Куна за недоучет факта параллельного существования исследовательских традиций...» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 176).

Академическая и практическая психологии: соотношение, перспективы

Представляется важным, что, говоря о практической психологии, А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков приходят к выводу, что она не однородна, дифференцируют «пространство» этого направления, выделяя, с одной стороны, психотерапию, работающую с целостной личностью, а с другой – иные области, имеющие иное «устройство», например, инженерную психологию или подбор кадров.

Зафиксированное авторами различие между академической и практической психологией определяется, видимо, различными задачами: для академической психологии важно быть «научной», поэтому она действительно «строит теории на основе эксперимен-

та или воспроизводимого исследования», чтобы объяснить факты, желательно подведя под какой-либо закон, а перед психотерапевтом находится всего лишь уникальная личность, которую не надо объяснять, но которой нужно помочь. Помочь можно только в том случае, если понять, что с этой личностью происходит. Ясно, что идеал воспроизводимого исследования психотерапевта совсем не волнует.

Не стоит забывать, что традиционно академическую психологию в большей степени интересует сфера познания или деятельности, тогда как практическую психологию – личность, которая, по определению, более целостна.

Мы уже касались в настоящей статье вопроса о конструктивизме. Вся неклассическая психология основана на конструктивизме. В классической психологии – наследнице картезианского самонаблюдения – предполагалось, что самонаблюдение дает истинное знание. Когда выяснилось, что это не так, стали использоваться опосредованные методы исследования, обнаружилось, что то, что реально изучается в психологии, есть *конструкт*, созданный в сознании исследователя. Понятно, что конструкты могут быть более или менее обобщенными и целостными. И, конечно, реальные исследования по этому показателю отличаются. Именно здесь кроется важное отличие одной психологии от другой.

Заслуживает внимания вопрос о том, что в практической психологии используются в основном не модели, а схемы. Это так, потому что схема предписывает действие с объектом, что значимо для практико-ориентированной психологии, которой не нужно измерять, но важно определить, как правильно действовать.

Несомненно, важно, что к данной проблематике – к соотношению академической и практической психологии – применяется парадигмальная терминология. Стало общим местом утверждение, что парадигмы понимаются в психологии очень вольно, разные авторы вкладывают в это понятие различный смысл.

Нам кажется, что говорить об оппозиции академической и практической психологии как парадигмальном противостоянии не приходится уже потому, что между ними нет конкуренции, поскольку каждая занимает свою нишу. Если у той или иной разновидности практической психологии нет своей теории, то, скорее всего, это место займет какая-нибудь мифология, но совсем маловероятно, что это окажется какая-либо научная концепция. Ибо у них разные задачи. И по своему устройству они разные.

И если говорить о парадигмальном противостоянии, то это будет очередное противостояние естественно-научной парадигмы (которая выступает в данном случае через какую-то теорию от «академической» психологии) и герменевтической (которая стоит за какой-то практико-ориентированной психологией). Впрочем, об этом написано вполне достаточно (Мазилев, 2013а, б, в).

Практическая психология в настоящее время, как можно полагать, находится в состоянии оформления в самостоятельную дисциплину. По определению В. Н. Дружинина, практическая психология и сегодня отчасти остается искусством, отчасти базируется на прикладной психологии как системе знаний и научно обоснованных методов решения практических задач (Современная психология, 1999). В целом эта констатация справедлива и сегодня, так как практическая психология чрезвычайно неоднородна и, несомненно, включает в себя названные составляющие. Но, как можно полагать, в настоящее время происходит формирование практической психологии как особого направления внутри психологической науки. При чрезвычайной неоднородности практической психологии (в качестве таковой выступают и элементы академической психологии, «дополненная» примерами «из жизни», и прикладная психология как таковая, и различного рода ненаучные концепции, основывающиеся на эзотерических учениях, мистике, астрологии и т. п., и так называемая «pop-psychology» – психология для массового читателя, и т. д.), тем не менее уже сегодня можно говорить о формировании парадигмы собственно практической психологии как отрасли психологической науки, имеющей специфические цели и задачи, методы, способы объяснения и т. д.

Представляется перспективным дать эскиз этой парадигмы. Итак, что такое практическая психология сегодня? Во-первых, это дисциплина, которая определяется не через предмет, а через объект. В практическом отношении всегда важнее дать общую (целостную) характеристику личности. В медицине, праве, педагогике, искусстве и т. п. куда важнее определить, кто находится перед тобой, чем следовать исторически сложившимся (поэтому неизбежно исторически ограниченным) канонам научности. Уместно заметить, что в качестве такового обычно принимается «стандарт», сформировавшийся и оформившийся в сфере естественных наук. В соответствии с таким стандартом выделяется «клеточка», из которой должно «выстроиться» искомое «целое».

Напомним, еще В. Дильтей в конце XIX столетия предупреждал, что такая стратегия в области психологии малоперспективна. Поэтому практическая психология исходит не из предмета, а из объекта. Объект принципиально целостен. Как нам представляется, здесь необходимы некоторые пояснения. Предметом научной академической психологии традиционно считается либо психика, либо поведение (в зависимости от того, к какой научной школе принадлежит психолог-исследователь). Это на уровне деклараций. Реально подлежат изучению либо явления поведения (доступные внешнему наблюдению), либо феномены самосознания (которые фиксируются с помощью самонаблюдения). Исходя из этого реального предмета строится гипотетическая конструкция – *предмет* науки. Как правило, это результат мыслительной деятельности познающего, т. е. нечто имеющее опосредствованный характер (например, психика). Из этого элементарного предмета должно быть выведено все богатство явлений, относящихся к сфере данной науки – *совокупный предмет*. Важно подчеркнуть, что реальный совокупный предмет получается в результате «конструктивной» (в смысле В. Дильтея) деятельности. Таким образом, в данном случае путь науки: от «единиц» к «целому».

В практической психологии путь принципиально обратный. Это достигается за счет того, что в качестве исходного берется не предмет, а *объект*. Объект принципиально целостен. В качестве объекта практической психологии выступает личность. Следует специально подчеркнуть, что понимание личности в практической психологии существенно отлично от трактовки личности в академической психологии (можно указать по меньшей мере десять принципиальных отличий) (Мазиллов, 2015). Как практически-ориентированная область знания она исходит из представления о целостном объекте, не пытаясь «выстроить» его из предполагаемых (и, естественно, гипотетических) «единиц», но пытаясь охватить его целиком. Отсюда следует и специфический метод: он может быть определен как гуманистический, предполагающий диалог исследователя и исследуемого (поскольку последний является носителем сознания), и игнорирование этого обстоятельства, по меньшей мере, недальновидно. Исходными принципами практической психологии могут быть названы целостность и типологичность (в противоположность «элементаризму» и «конструктивизму» научной психологии, которые были зафиксированы еще В. Дильтеем в 1894 г.). Идеалом научности для практической психологии является описание и предсказание (поведения личности), а не объяснение. Средством – не постро-

ение научных моделей, а разработка типологий (многочисленных, по разным основаниям), классификация и описание индивидуальных случаев.

Вряд ли стоит специально подчеркивать, что конечной целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, так как практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (в скобках заметим, что цель академической психологии – обнаружить общие законы и «вписать» предмет изучения в общую картину мира). Естественно, что различается и представление об «итоговом продукте»: в академической психологии это построение возможно более убедительной научной модели, в которой получили воплощение общие «законы жизни» научного предмета, в практической психологии это «всего лишь» описание или типология, предполагающая ту или иную квалификацию «индивидуального» случая.

Мы полагаем, что эффективное взаимодействие между практической и научной психологией станет возможным благодаря *методологии, причем методологии коммуникативной*. Для этого необходима теоретическая разработка проблемы предмета психологии. На наш взгляд, необходимо создание теоретической модели предмета психологии.

В заключение остановимся на проблеме предмета психологии главной методологической проблеме. Речь идет о выработке его нового понимания. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии, очевидно, представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук. Понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно общение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Значимые результаты получены в области методологии пси-

хологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов (Теория и методология..., 2007; Субъектный подход в психологии, 2009; Парадигмы в психологии, 2012; Методология современной психологии, 2011), и др.

В решении этой проблемы можно выделить два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа также уже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» (В. Д. Шадриков), поскольку это понятие позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Подготовлен учебник для будущих психологов (Шадриков, Мазиллов, 2015). При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаясь как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые изучает психология.

Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т. е. именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удо-

влетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый, относительно неглубокий, – уровень отражения закономерностей любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил, что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественно-научной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Brentano и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к этому уровню можно сказать, что это действительно постоянный кризис. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне – парадигмальном – речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, сложится впечатление, что кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественно-научного подхода приводят к повышенным ожиданиям от гуманистического (в последние годы также и от других парадигм: конструктивистской, психотехнической, синергетической, постмодернистской). В настоящее время налицо повышенное внимание к нейронаукам, достижениям в области фармакологии, которая создает препараты, направленно модифицирующие психическую активность.

И, наконец, первый, явленный на поверхности, отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии, деятельностном подходе и т. д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному «наложению» – усилению переживания, т. е. кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который позволил бы преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узкой неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным. Это тема отдельной работы.

Литература

500 лет использования понятия «психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого по-

нятия в библиографии работ MarkoMarulic). Информационное письмо // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 4. URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/205-902 (дата обращения: 30.10.2014).

Асмолов А. Г. XXI век: психология в век психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1.

Брес И. Генезис и значение психологии // Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988. С. 123–140.

Васильюк Ф. Е. Методологический смысл психологического кризиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.

Гусельцева М. С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 45–73.

Дессуар М. Очерк истории психологии. СПб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912.

Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.

Журавлев А. Л., Корнилова Т. В., Юревич А. В. Введение // Парадигмы в психологии: Научно-методологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 3–9.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии. Научно-методологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 158–177.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарий) // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 2. С. 127–132.

История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Карицкий И. Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.–Челябинск: Социум, 2002а.

Карицкий И. Н. Современные социально-психологические практики: теоретико-методологическое исследование: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2002б.

- Карицкий И. Н. Методологические основания определения предмета психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль, 2004. Т. 2.
- Карицкий И. Н. Системогенез психологической практики // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 22. С. 36–39.
- Клочко В. Е. Психосинергетика: настоящее и будущее психологии // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии». Караганда: Изд-во Кар ГУ, 2001. С. 101–110.
- Князева Е. Н. Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995.
- Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Вестника Знания, 1910.
- Конт О. Сочинения. В 2 ч. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. Ч. 1, 2.
- Кроник А. А. 500 лет использования понятия «Психология» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 1. С. 9–14.
- Крылов В. Ю. Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 56–62.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Мазиллов В. А. Предмет и задачи психологии // Общая психология: Учебник / Под ред. А. В. Карпова. М.: Гардарики, 2002. С. 5–23.
- Мазиллов В. А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 55–72.
- Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007.
- Мазиллов В. А. Когнитивная методология психологии. Ярославль, 2011.
- Мазиллов В. А. Парадигмы в психологии: от истории к современности // Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 57–94.
- Мазиллов В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013а. Т. 2. № 2. С. 149–155.
- Мазиллов В. А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013б. № 50. С. 8–16.

- Мазиллов В. А. Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013в. № 4. С. 144–148.
- Мазиллов В. А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. Сер. «Психолого-педагогические науки». 2013г. Т. 2. № 3. С. 186–194.
- Мазиллов В. А. Проблема личности в академической и практико-ориентированной психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2015. № 1. С. 16–25.
- Марцинковская Т. Д. Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 33–44.
- Методология современной психологии: академический сборник научных статей / Под ред. В. Ф. Петренко, В. В. Козлова. М.: МАПН–ЯрГУ–ЛКИИСА РАН, 2010.
- Орлов А. Б. Психологическая практика как предмет фундаментальной психологии (комментарии к статье А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова „Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия“) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 124–126.
- Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Петренко В. Ф. Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М.: Канон+, 2008. С. 435–463.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980.
- Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–139.
- Пути за пределы «эго»: трансперсональная перспектива. М.: Изд. трансперсонального института, 1996.
- Пятьсот лет использования понятия «психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ MarkoMarulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года–30 декабря 2014 года) / Под ред. А. А. Крони-

- ка, Л. Ф. Чупрова // ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2014. № 1. sr-4 (дайджест).
- Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
- Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль, ЯрГУ, 1979.
- Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Розин В. М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.
- Розин В. М. Комментарии к статье А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова «Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 119–123.
- Современная психология / Под ред. В. Н. Дружинина. М., 1999.
- Спиркин А. Г., Юдин Э. Г., Ярошевский М. Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 359–360.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
- Фолльмер Г. Эволюционная теория познания: К природе человеческого познания // Культура и развитие научного знания. М.: Наука, 1991. С. 135–150.
- Черняк В. С. О методе реконструкции истории науки (по поводу концепции Элен Мецжер) // Полигнозис. 2001. № 2 (14).
- Черняк В. С. Мецжер Элен // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 562.
- Шадриков В. Д. Системогенез профессиональной деятельности. М., 1982.
- Шадриков В. Д., Мазиллов В. А. Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
- Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А. В. Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 5–14.

- Юревич А. В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 127–136.
- Янчук В. А. Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии // Парадигмы в психологии: Научно-исследовательский анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 136–157.
- Янчук В. А. Межпарадигмальный диалог как ресурс углубления понимания психологической феноменологии: Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Психологический журнал. 2012б. № 1–2. С. 4–17.
- Jaccard P. La conscience, les rêves, les complexes. P.: Payot, 1973. P. 212.
- Kolakowski L. Positivist science. Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972.
- Morgan D. L. Paradigms Lost and Pragmatism Regained: Methodological Implications of Combining Qualitative and Quantitative Methods // Journal of Mixed Methods Research. 2007. V. 1 (1). P. 48–76.